

бл. Августина, но и воспоминанія о древнемъ Римѣ, объединившемъ народы, способствовали тому, что титулъ, принятый Карломъ, не показался его современникамъ страннымъ, непонятнымъ или ненужнымъ. Свѣтскій глава міра императоръ, стоящій вблизи отъ духовнаго главы—папы и охраняющій его своимъ мечемъ, — вотъ въ какую форму вылилась представленія о Священной римской имперіи въ первомъ же столѣтіе ея существованія. Мало того: душами всѣхъ христіанъ управляетъ церковь, тѣлами ихъ должна также управлять единая верховная власть, — параллелизмъ, столь свойственный первобитной мысли, требовалъ такого заключенія. Для римскихъ первосвященниковъ имперія являлась шитомъ и опоркою, матеріальнымъ и нравственнымъ сокровищемъ, которое надлежало беречь изо всѣхъ силъ и до послѣдней крайности. Въ этомъ смыслѣ глубоко характерна одна изъ „папскихъ побасенокъ“ (по выраженію Деллингера), которая возникла, повѣдаемо, во второй половинѣ IX вѣка и которая трактуетъ о „дарѣ Константина“, Constantini donatio. По этому преданію, императоръ Константинъ Великій выздоровѣлъ отъ проказы, благодаря молитвамъ папы Сильвестра I и по выздоровленіи крестился, а черезъ четыре дня послѣ крещенія подарилъ папѣ и престолу св. Петра городъ Римъ, всю Италію и всѣ западныя страны, а самъ удалился въ Константинополь. Возникло ли это фальсифицированное преданіе (подкрѣпленное составленнымъ кѣмъ-то документомъ) съ цѣлью освободить римскихъ первосвященниковъ отъ долга благодарности по отношенію къ свѣтской власти, давшей (въ лицѣ Пипина и Карла) римскому престолу итальянскія земли, или оно имѣло иной источникъ, иные мотивы, — мы не знаемъ. Характерна здѣсь между прочимъ та благолѣпительная роль, которая приписывается главѣ римскаго государства. Благодѣтель и защитникъ, а не врагъ и соперникъ—вотъ это такой императоръ для Рима во времена Карла Великаго и даже позже. Текущая жизнь какъ бы спѣшила оправдать возрѣнія папы и итальянцевъ на „Священную римскую имперію“: когда въ концѣ IX и въ первой половинѣ X столѣтій наступилъ смуты между французскими Каролингами, а германская вѣтвь ихъ угасала, когда исчезла надежда на продолженіе императорской традиціи, — ссоры и